

РАЗВЕДКА

41ГО

**АЛЕКСАНДР
ТАМОНИКОВ**

**ГЕНЕРАЛ
БЕЗ АРМИИ**

МОСКВА
2022

ГЛАВА 1

Язык был не прочь поболтать, обладал ценными сведениями и отнюдь не нордическим темпераментом. Он глотал слова, извивался, придавленный коленом старшего лейтенанта Шубина, активно не хотел умирать и мог бы говорить часами. Но время поджимало. Последние слова пленного унтер-офицера были о том, что у него большая семья в Штутгарте. До войны он трудился на сборочном конвейере завода Порше, то есть является рабочим человеком!

Однако слияния пролетариев двух стран в этот поздний час разведчики не планировали. Глеб убрал колено, пленник воспрянул духом, но в следующий миг Завадский перерезал ему горло, и оба поспешили убраться, чтобы их не обрызгало кровью. Агонизирующее тело они оттащили в кусты, добавили к двум другим и с чувством покурили.

Каждый перекур казался им даром божьим. Другого могло и не быть.

Ночной патруль оказался кстати. У кого еще спросить дорогу?

Над головой в разрывах листвы виднелось небо, усеянное звездами.

Местность в районе была сложной — леса, болота, непроглядные заросли. Дороги и открытые пространства практически отсутствовали.

В сумраке выделялись размытые фигуры в мешковатых комбинезонах. На задание со старшим лейтенантом отправились пятеро. Курили бойцы быстро, пряча огонечки в кулаки.

— Правильно идем, товарищи, — прошептал Шубин. — Господин унтер-офицер был уверен в том, что интересующие нас батареи расположены между деревнями Листвянка и Приютово, в трех верстах от нас. Верить ему на слово мы, понятно, не будем, прогуляемся, чтобы убедиться. Идем в колонну по одному, дистанция три метра. Глинский с рацией — сзади. Патруль немцы хватятся, но найдут не скоро. Время у нас есть. Обратном пойдем другой дорогой. Докуриваем, и вперед.

Подчиненные молчали, сосредоточенно дымили.

Звуки канонады нарастали, потом отдалялись. Разведчикам казалось, что орудия бьют со всех сторон. Иногда в раскаты орудийного грома вплетался рев авиационных моторов. Ожесточенное сражение шло в десяти верстах, не прекращалось ни днем, ни ночью. Обескровленная Вторая Ударная армия предпринимала отчаянные попытки вырваться из котла.

Смазанные тени скользили по ночному лесу. Пыхтел Лева Глинский, тащил на закорках ради-

останцию с радиусом действия полтора десятка километров. Бойцы двигались по верхам, болотистые низины оставляли в стороне. Грустный опыт у них уже имелся.

Никита Костромин до сих пор не мог прийти в себя, ощупывал стоящий колом комбинезон и шептал что-то вроде молитвы. Три часа назад он ушел в трясину по горло, схватиться было не за что, дыхание перехватило. Если бы Ленка Пастухов вовремя не обернулся, то парня уже не было бы на свете. Товарищи над ним даже не подтрунивали, натерпелся, чуть глаза из орбит не вылезли.

Лес уплотнялся. Разведчики преодолевали баррикады из сушняка и бурелома.

В стороне гудели моторы. Там шла танковая колонна вермахта. Немцы стянули в этот район огромные силы, не выпускали из котла окруженные войска.

Лающая немецкая речь больно ударила по ушам. Разведчики рассыпались по траве, затаили дыхание. Красноармеец Боровик не нашел, куда упасть, присел за деревом.

Неподалеку находилась опушка, там стояло крупное подразделение вермахта. Разносились команды младших командиров. Бряцал металл, переговаривались люди. Войска противника находились в повышенной готовности, в любую минуту могли перекрыть брешь. Потери немецкое командование не смущали. Красная армия в эти трагические дни теряла больше.

Разведчики слились с местностью, замерли. Завозился Глинский. Рация на горбушке причиняла ему болезненные неудобства. Завадский шикнул на товарища, и Лева замер.

Тени покачивались за деревьями, солдаты месили сапогами податливую глину. Несколько человек шли по лесу, под ногами у них трещали и ломались сырые ветки. Кто-то оступился, выругался. Другой засмеялся. Мол, что, Курт, русская земля уже не держит? Третий предположил, что ничего ужасного до завтрашнего обеда не произойдет. Русские снова полезут в прорыв по горам своих трупов, артиллерия их будет методично избивать, добегут считанные единицы, и пехоте не придется напрягаться, чтобы отразить эту атаку. Почему эти русские так просто отдают свои жизни, причем не только рядовые, но и командиры? Чем их не устраивает, например, сытый германский плен?

Шубин стиснул зубы.

Русские солдаты в этих проклятых болотах у Мясного Бора гибли тысячами, и немцы не могли понять, зачем они это делали.

Лежать разведчикам пришлось долго. Фрицы уходили с лентой, никуда не спеша.

Когда шум затих, группа пришла в движение, но вскоре уперлась в неодолимую преграду из бурелома и колючих веток. Штурмовать эти залежи можно было до утра.

Шубин рискнул вывести людей на опушку. Немцы ушли оттуда, там никого не осталось.

Дымились недогоревшие кострища, валялись обрывки бинтов, упаковки от еды, пустые сигаретные пачки.

Несколько минут группа рискованно маячила на юру, потом опять растворилась в лесу.

Невдалеке пролегал проселочная дорога до деревни Листвянка. Согласно вводным данным, все ее жители ушли с отступившими советскими войсками. От соседнего Приютова три недели назад остались одни головешки.

«Спасибо унтер-офицеру. Даже неловко, что пришлось убить его. Маршрут, описанный им, оказался верным. Прогулка через тернии не пропала даром», — подумал Глеб.

Собаки теперь лаяли на всю округу. Этот квадрат местности почему-то охранялся, как ставка Гитлера.

Боровик, идущий в авангарде, широкоплечий, исполнительный, но временами туго соображающий, повалился в траву, а прямо перед ним грозно залаяла овчарка. Она рвалась с поводка, тянула за собой солдата, явно почуяла чужака. Боровик энергично отползал к кромке леса.

Подбежали еще два фрица, всматривались в темноту. Лезть в растительное месиво им как-то не хотелось. Зажегся фонарь, холодный луч забегал по кустам и деревьям.

— Что там, Курт?

— Не знаю, собака взбесилась.

Простучала автоматная очередь, расшвыряла ветки. Разведчики затаились, не подавали при-

знаков жизни. Овчарка успокоилась, стала глухо ворчать. Очевидно, запах чужака смешался с пороховой гарью.

Немцы решили, что все в порядке, ложная тревога.

— Это заяц, Курт, его почуяла твоя псина! Здесь не могут появиться русские, им для этого не хватит ума!

Солдат оттаскивал от леса собаку. Она, продолжая глухо рычать, трусила за своим хозяином. Голоса смолкли.

— Боровик, ты живой? — прошептал Глеб.

— Я-то живой, только рукав мне какой-то гад прострелил. — Боец полз, тяжело отдуваясь, явно впечатленный происшествием. — Чуть не выдал я всех нас, товарищ старший лейтенант, виноват. Знаете, мне тут на ум пришло...

— Куда пришло? — не сдержался Ленька Пастухов.

Кто-то прыснул в темноте.

— Да иди ты!.. — огрызнулся Боровик. — Серьезная охрана, говорю, товарищ старший лейтенант. Впереди большая поляна и цепь солдат. Хорошо, что они на открытом месте стоят, в лес бояться заходить Эти вояки что-то важное охраняют, у них дорожки протоптаны, курсируют взад-вперед.

— Все назад! — скомандовал Шубин. — Обойдем квадрат, посмотрим, где можно просочиться.

Через сосняк им пришлось передвигаться ползком. Немцы были повсюду, заунывно перекликались, не давали себе заснуть. Глинский с Боровиком получили ценные указания и остались в лесу, все прочие погрузились в овраг и двинулись по нему.

Никита Костромин выполз наружу, вернулся через пару минут с горящими глазами и доложил:

— Здесь эти клятые пушки, товарищ старший лейтенант. Дальнобойные, не меньше двух дивизионов.

Коридор, сквозь который выходили наши окруженные войска, составлял в ширину четыреста метров. В худшие дни — двести пятьдесят. Проход был завален телами советских, немецких и даже испанских солдат, добровольцев из «Голубой дивизии». Трупы никто не убирал, передвигаться по этому пространству можно было только ползком.

В последующие полчаса разведчики выяснили главное. Четыре батареи тяжелых орудий были расположены в перелесках за деревней Листвянка, вблизи единственной дороги, по которой можно осуществлять подвоз боеприпасов. Еще две стояли на окраине Приютова. Орудийные стволы торчали в небо каким-то жутковатым частоколом.

В данный момент огонь не велся, но на батареях отмечалась активность. Рычали тяжелые тя-

гачи, сновали люди, офицеры окриками подгоняли подчиненных.

В лесу между батареями находился радиоузел. Под него фрицы облюбовали заброшенное бревенчатое строение.

Охрана с собаками осталась на периметре, но и здесь, в самой клоаке, было неуютно.

Солдаты снимали с грузовиков снарядные ящики, тащили, отдуваясь, к орудиям. У каждой пушки грудились штабеля боеприпасов. Разгрузка завершилась. «Опели», побитые российскими дорогами, двинулись восвояси.

Офицер объявил перекур, и солдаты потянулись к ложбине, тянувшейся в стороне от батареи. Технику безопасности здесь блюли.

Это было именно то, что требовалось найти! От текущей работы зависело очень многое, главное — жизни людей.

— Товарищ старший лейтенант, это именно они не дают нам прохода, — взволнованно прошептал Пастухов. — Отправим в штаб координаты, пусть накроют квадрат к чертовой матери. Станет легче, пусть всего на день или на два, но наши прорвутся.

Сердце старшего лейтенанта колотилось, как барабан полкового оркестра. Именно с этой точки фашистские захватчики осуществляли обстрел проблемного участка! Координаты известны, зона покрытия — не больше одного квадратного километра.

— Мужики, запоминаем, — тихо проговорил Шубин. — Восемьсот метров пространства между Приютово и Листвянкой, включая сами деревни, где у них пункты управления. В глубину чуть более километра. Артиллеристы сами вычислят координаты, нам сейчас не до этого. Толпой не валить, откатываемся по одному и бережем как зеницу ока нашу рацию.

До кромки леса бойцы добрались без приключений, ныряли в ложбины, ползли по открытым участкам. Но дальше снова все пошло через пень-колоду. Фашисты как-то обнаружили Глинского и Боровика, оставшихся в лесу. До него оставалось метров семьдесят, когда с опушки долетел тревожный крик. Прогремела автоматная очередь, за ней — еще одна. Жалобно заскулила подстреленная собака. Часовые загалдели как сороки, бросились врассыпную. Затрещали МП-40, им из леса отвечал только один «ППШ»!

Разведчики сдавленно матерились. Неужели все пропало? На опушке происходило что-то страшное. Автоматный огонь уплотнялся, немцам никто не отвечал. Часовых в этой зоне оказалось всего шестеро, но остальные могли подтянуться в любую минуту.

Через пару минут немцы оборвали стрельбу, стали подниматься. Из мрака вырастали согбенные фигуры. Несмело, сгибаясь в три погибели, солдаты двинулись вперед.

По ним ударил «ППШ». Караул рассыпался, кто-то остался лежать.

Ждать у моря погоды было глупо. Скоро вся нечисть сюда слетится!

— Пошли, парни, — процедил Глеб сквозь зубы. — Быстро, но скрытно.

Сначала разведчики ползли, потом поднялись, побежали, стараясь обходиться без шума. Они вылупились из мрака за спинами у фашистов, открыли ураганный огонь. Валились нашпигованные пулями тела, выли глотки. Раненых красноармейцы добивали выстрелами в упор. Завадский прикладом сломал шею какому-то живчику. Хрипел, пытаясь приподняться, обер-гренадер в продырявленной летней шинели.

Шубин выстрелил ему в голову, перешагнул через туловище, бросился в лес, стал метаться между деревьями.

— Боровик, Глинский, вы живы? — выкрикнул он.

— Я жив, товарищ старший лейтенант, — отозвался слабым голосом Глинский, придавленный рацией, и выбрался из-за дерева, опираясь на приклад автомата, как на лыжную палку. — А вот Виталика Боровика, кажется, убили.

Это Шубин уже понял. Он запнулся о неподвижное тело, опустил на колени. Красноармеец Боровик был мертв, кровь залила его грудь.

Подбежал Ленька Пастухов, стал трясти товарища, уговаривал очнуться. Никита Костромин поднимал Глинского. Тот качался, как бы-

линка, но, кажется, не пострадал. В принципе он вел себя молодцом, сумел отразить атаку, находясь под гнетом пятнадцати килограммов железа.

Завадский стащил с него радиостанцию, бегло ее ощупал — цела ли? — взвалил себе на плечи и первым бросился в темноту. Остальные последовали за ним. Шубин пятился последним, вглядываясь в полумрак.

Немцы запрягали недолго. Перестрелка привлекла внимание. Бежали солдаты с противоположной опушки. Истошно лаяли овчарки. Огонь фрицы пока не открывали, не знали, что здесь произошло, боялись попасть в своих. Загорались фонари, освещали арену побоища.

Шубин припал к дереву. Его автомат выплевывал короткие очереди.

В ответ тут же заработали МП-40. Какой-то немец бросил колотушку. Она сработала на безопасной дистанции, окутала лес зловонным дымом. Неслись собаки, спущенные с поводков.

Жар ударил Глебу в голову, у него возникло ощущение, что он остался один. Старший лейтенант попятился к соседнему дереву, оступился.

Собака уже была рядом, глухо рычала, горели воспаленные глаза. Она прыгнула одновременно с автоматной очередью, ударившей откуда-то сбоку. Шубин повалился, пропорол суком мягкое место. Рядом грохнулась лохматая туша, вздрогнула пару раз и затихла.

— Бегите, товарищ старший лейтенант! — выкрикнул из-за дерева Костромин.